

Научная статья

УДК 811.521

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/57-70>

О различиях в употреблении японских глаголов существования / местонахождения «aru» / «iru»: на основе современных исследований

Аяко Мори

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Магистр педагогики, старший преподаватель кафедры японоведения

mori.y@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена различиям в словоупотреблении глаголов «iru» и «aru» в «экзистенциальных» предложениях японского языка и представляет собой попытку кратко изложить критерии, по которым изучающие японский язык могли бы, насколько возможно, безошибочно определять выбор того или иного глагола. В учебниках японского языка сказано, что при выражении существования одушевлённых имён существительных используется «iru», неодушевлённых – «aru», но в речевой практике возникают исключения. Данные глаголы используются и в притяжательных предложениях, и в этом случае возникают нюансы в словоупотреблении, сходные с «экзистенциальными» предложениями. Здесь на основе предыдущих исследований мы предлагаем свой взгляд на проблему словоупотребления глаголов «iru» и «aru».

Ключевые слова: предложения существования, предложения местонахождения, предложения обладания, внутренние / родственные / отношения, не/одушевлённые существительные, не/имеющие воли существа, обобщающее/индивидуализированное восприятие

Для цитирования: Мори А. О различиях в словоупотреблении японских глаголов существования / местонахождения «aru» / «iru»: на основе современных исследований // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 57–70.

Original article

On the differences in the use of Japanese verbs of existence / location “aru”/ “iru”: based on modern research

Ayako Mori

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Master of Pedagogy, Senior Lecturer,

Department of Japanese Studies Senior lecturer

mori.y@dvfu.ru

Abstract. This article is an attempt to make concise criteria by which Japanese language learners can judge the use of verbs “iru” and “aru” in existential sentences. In textbooks for Japanese learners

it is generally explained that “iru” is used to represent the existence of animate beings and “aru” – of inanimate things, but in fact, their usage is not divided mechanically like that. These verbs are also used in possessive sentences and denote the same problems of their proper using as in existential sentences. Therefore, we surveyed previous researches and offered a new look on the problem.

Key words: existential sentences, location sentences, possessive sentences, inherent / relative / relations, in/animate nouns, non-/volitional being, generic /specific perception

For citation: Mori A. On the differences in the use of Japanese verbs of existence / location “aru”/ “iru”: based on modern research. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 57–70. (In Russ.).

Введение

Выражения, описывающие существование / пребывание людей и вещей, в японских грамматических системах называются «предложениями существования».

В базовой грамматической модели место нахождения / пребывания выражается (условным) дательным падежом -ni, субъект нахождения – именительным (рематическим) падежом -ga: «место» – ni «субъект» – ga «iru/aru».

Японский исследователь Томита в работе «Базовые выражения 50 и их преподавание» пишет о различиях употребления глаголов «iru» и «aru» в предложениях существования: «В японском языке при выражении существования / присутствия, для выражения существования неодушевлённых предметов (вещей, зданий и т.п.) используется глагол «aru», одушевлённых существ (людей и животных) – глагол «iru». Растения считаются неодушевлёнными» [9, с. 18].

Слово «одушевлённые» (яп. «*ijou*») здесь является переводом на японский язык с санскрита буддийского термина «*sattva*», и в словарях есть такие его интерпретации:

- все существа, имеющие чувства и другие проявления живой души. Люди, птицы, звери и другие живые существа по отношению к предметам окружающей природы, растениям и т.п. [14];
- существа, обладающие чувствами, сознанием и другими действиями живой души. Люди, птицы, звери и т.п. Живые твари (Божие, земные) [13]. «Неодушевлённые» (яп. «*hijou*») – антоним.

В книге «Обучение японскому языку ABC» [10, с. 58] дано следующее определение: «Глаголы, выражающие существование, – это «iru» и «aru». «Iru» применяется в отношении людей и животных (существ, способных двигаться по своей воле), «aru» – в отношении всех других вещей и предметов (которые самостоятельно двигаться не могут)».

Однако и преподаватели японского языка, и изучающие его знают, что в речи нет такого механического выбора. На это указывается и в вышеприведённых работах.

Томита в «Дополнительном комментарии» отмечает:

1. Даже к одушевлённым существам, если они не являются «динамическими созданиями» (предполагающими способность двигаться и вести жизнедеятельность), т.е. когда к ним относятся, как, например, к товару, применим глагол «aru».
2. Что касается применения «aru», как, например, в детских сказках: «Давным-давно, в тридевятом царстве (жили-) были / «aru» / дед да баба», – то это словоупотребительный приём при разговоре о давнем прошлом, когда слушателя «статически» знакомят с существованием действующих лиц, представляют ему их местобытие и после этого разворачивают рассказ дальше [9, с. 20–21].

Важно отметить, что современный глагол «*aru*» соответствует глагольной форме старояпонского языка «*ari*», которая использовалась независимо от того, являлся ли субъект одушевлённым или неодушевлённым, поэтому существует теория, что «*aru*» в подобных языковых контекстах означает «*iru*» (ср. русс. «жили-были»).

3. Приводя пример словоупотребления с позиции родителя: «У меня есть («*aru*») дети / сын / дочь», автор указывает, что «*aru*» здесь употребляется в значении «обладание, владение».

Тэрада и другие исследователи отмечают: «Глаголы «*iru*» / «*aru*», как в выражениях: «У моего младшего брата есть («*aru*») машина» (владение); «Завтра будет («*aru*») вечеринка» (что-то состоится); «У меня есть («*iru*», «*aru*») младшая сестра» (семейные отношения), – имеют опции словоупотребления помимо констатации существования, на что следует обращать внимание» [10, с. 58].

В других учебниках и справочниках комментарии о глаголах «*iru*» / «*aru*» схожи с вышеприведёнными. На уроках мы зачастую сталкиваемся с тем, что учащиеся считают вполне достаточным понимать смысл, и они не чувствуют необходимости разбираться в словоупотреблении детально. К тому же, различие в употреблении этих глаголов во многом зависит от интуитивного ощущения самого говорящего (пишущего) носителя японского языка. По этой причине в отношении того или иного выражения существования одни ощущают неестественность, другие же её не чувствуют. Однако, пока существует различие в употреблении, должны быть и некие критерии определения выбора.

«*Iru*», «*aru*» являются базовыми глаголами японского языка, к тому же им свойственна полисемичность. Кроме того, исследователи предлагают различные их классификации. Однако мы считаем, что понимание критериев определения выбора слов пойдёт на пользу изучающим японский язык через понимание того, как носители японского языка осознают объекты своего высказывания. *Цель* данной работы – сделав обзор предыдущих исследований, по возможности сжато систематизировать эти критерии определения выбора.

1. Использование «одушевлённого» глагола «*iru*» с неодушевлёнными существительными в предложениях существования / местонахождения

Выражения с использованием глаголов «*iru*» / «*aru*» функционируют в 2-х вариантах – как «предложения существования» и как «предложения местонахождения».

Предложения существования (англ. «*existential sentence*», типа «*there+be*»): (место существования)-*ni* (субъект существования)-*ga* (*iru* / *aru*). (-*Ga* – именительный (тематический) падеж).

Данная грамматическая конструкция используется в случаях, когда сообщаемая информация заключается в том, что в некоем месте есть кто-то или что-то. Как правило, в случае одушевлённых субъектов существования применяется глагол «*iru*», в случае неодушевлённых – «*aru*». Например,

1. (Аудитория)-*ni* (студенты)-*ga iru*.
2. (На столе)-*ni* (книга)-*ga aru*.

Предложения местонахождения: (субъект существования)-*wa* (место существования)-*ni* (*iru* / *aru*). (-*Wa* – именительный (тематический) падеж).

Эта модель применяется в случаях, когда сообщаемая информация заключается в том, что кто-то или что-то находятся в некоем месте. (Соотношение одушевлённости /

неодушевлённости к «iru» / «agu» то же, что в грамматической конструкции, описанной выше). Например,

1. (Студенты)-wa (аудитория)-ni iru.
2. (Книга)-wa (на столе)-ni agu.

Таким образом, существуют «предложения существования» и «местонахождения», однако мы не фокусируемся на тема-рематическом членении предложений в рамках настоящего исследования.

У студентов вызывают недоумение случаи, когда с неодушевлёнными именами существительными используется «iru», как в следующем примере:

«На платформе № 1 стоит («iru») первая /сегодня / электричка».

По поводу подобного употребления в работе «Справочник базовых глаголов» на слово «agu» есть такое объяснение:

«Значение 1. Существование вещей / предметов». (В некий момент, или определённый период времени, в некоем месте существует одна вещь / предмет или несколько вещей / предметов) [15].

В качестве исключения приведены примеры: «Вон там есть («iru») такси»; «Грузовик / что стоит («iru») / впереди, никак не движется». То есть здесь можно использовать не только «agu», но и «iru». Даже если это вещь (транспортное средство), фиксируется статус этой вещи как движущегося предмета, предполагается существование субъекта этого действия (водителя), и тем самым становится возможно использование «iru».

Кроме того, к глаголу «iru» в «Значении 4. Существование транспортных средств» приводится сходное описание, но со следующим нюансом в употреблении: «Транспортные средства, управляемые человеком. Следовательно, относительно транспорта, не предполагающего присутствия человека (водителя), используется не «iru», но «agu»».

Другими словами, говорящий может использовать «iru» только в том случае, если он признаёт присутствие на транспортном средстве водителя или другого «человека, движущего / управляющего им».

Однако это объяснение применимо не ко всем случаям. Например, в приведённом выше предложении «На платформе № 1 стоит («iru») первая электричка». В этом случае говорящий вряд ли осознаёт присутствие машиниста поезда. Обычно мы ведь не задумываемся над тем, есть ли там машинист? Рассмотрим, почему в таких случаях используется глагол «iru».

Следующие примеры привёл исследователь Сано:

- a. На том перекрёстке стоит / есть патрульная машина («iru» / ?? «agu»).
- b. Перед зданием полицейского участка стоит патрульная машина («iru»/ «agu»).
- c. В здании полицейского участка есть / стоит патрульная машина (?? «iru»/ «agu»)

[8, с. 45].

Сано предлагает следующее объяснение:

Присутствие патрульной машины, как в примерах (a) и (b), на перекрёстке или перед зданием полицейского участка является естественным. Подразумевается, что находящиеся там патрульные машины всегда находятся в состоянии готовности к движению (с заведённым двигателем), и потому возможно использование «iru». В примере (a) использование «iru» является естественным. Употребление «agu» неестественно, так как трудно представить, что патрульная машина может стоять на перекрёстке с невключённым двигателем.

С другой стороны, неестественность «ігу» в (с) в том, что обычно нам сложно представить, что патрульная машина находится в здании, и говорящему сложно предположить, что двигатель в это время работает. Скорее всего, мы представим себе, что это выставка автомобилей и т.п. По этой причине не «ігу», но «агу» является естественным.

Иными словами, в определении использования «ігу» существенным является не то, «есть ли на этом транспортном средстве приводящий его в движение / контролирующий его человек», а «находится ли оно постоянно в состоянии готовности к движению (состоянии заведённого двигателя)». «Способность к движению» здесь означает, что данный транспорт движется, находится в пути. Это движение выражается глаголами «ехать» – об автомобиле, «лететь» – о самолёте и т.д. Можно также сказать, что отсутствие дискомфорта при описании места движения данного транспортного средства («место существования», выраженное дательным падежом -*ni*) связано с тем, насколько оно «способно / готово двигаться».

Эта «связь места существования с определением глагола» становится понятной, если мы задумаемся над выбором глагола «использовать», увидев машину в автомастерской с механиком на водительском месте. Хотя механик, сидя в машине, включает двигатель, поворотные огни, производит иные манипуляции, скорее всего, мы употребим глагол «агу». «Там находится моя (г-на Танака) машина», «Моя (г-на Танака) машина находится там» – подобно этому и в предложениях существования, и в предложениях местонахождения будет использован глагол «агу». Потому что говорящий определил, что в месте под названием «автомастерская» «машина не движется» [8, с. 45–46].

Это объяснение позволяет рассеять сомнения по поводу вышеприведённого примера «На платформе № 1 стоит первая электричка». На платформе № 1 (на вокзале / на перроне) есть электричка, и двигаться для неё – естественно. Говорящий знает, что с наступлением определённого времени электропоезд отправится, поэтому использует глагол «ігу».

Можно также предположить, что, увидев на дороге (проезжей части) беспилотный автомобиль (автомобиль без водителя), мы, вероятно, используем «ігу».

Отметим, что в высказывании «(транспортное средство)-*ga iku*» использование глагола «ігу» более естественно. «Агу» в этой ситуации используется в тех случаях, когда данное транспортное средство абстрагировано от его функционирования, воспринимается статично и описывается / изображается более объективно. Например, случай использования «агу» в ситуации с патрульной машиной (b) соответствует этому определению.

Бывает возможным применение глагола «ігу» и в случаях, когда «субъектом существования» является природное явление.

Пример: «Тайфун в настоящее время находится («ігу») в небе над Восточно-Китайским морем».

Исследователь Накагири, проанализировав версии Миура [4], Харасава [11] и др. о различии в употреблении глаголов «ігу» / «агу», пишет: «Можно сказать, что наш выбор глагола зависит не от того, насколько объективно мы фиксируем объект и различаем употребление этих двух глаголов, а от того, насколько субъективно мы его оцениваем. Следовательно, даже с одушевлёнными существительными, если мы абстрагируемся от движения обозначаемых ими объектов и будем воспринимать их в статике, следует использовать глагол «агу». И даже с неодушевлёнными существительными, обозначающими предметы неподвижные, но воспринимаемые как вещи, способные к движению, используется «ігу»» [6, с. 66].

Согласно этому объяснению, тайфуны, Солнце, Луна и т.д. – неодушевлённые предметы, и обычно их существование выражается глаголом «агу», но, если говорящий воспринимает их как движущийся объект, применяется «ігу».

Здесь следует добавить, что «тайфун», «Солнце», «Луна» и т.д. сопровождаются глаголом «ігу», главным образом в «предложениях местонахождения». И в вышеприведённом примере («Тайфун в настоящее время находится («ігу») над Восточно-Китайским морем») говорится о нынешнем местоположении тайфуна. Можно сказать, что «ігу» используется в ситуациях, когда внимание обращено на передвижение / маршрут этих объектов.

Итак, использование «ігу» с «неодушевлёнными предметами» в «экзистенциальных предложениях» имеет следующие особенности:

1. Если «субъектом существования» является транспортное средство, общим является использование «ігу» при выполнении 2-х условий:

1) говорящий должен воспринимать это транспортное средство как «находящееся в состоянии способности / готовности к движению»;

2) «место существования» не должно быть сомнительным с точки зрения возможности передвижения этого транспортного средства.

2. Если «субъектами существования» являются природные явления, возможно употребление «ігу», когда говорящий воспринимает их как движущиеся объекты, особенно в ситуациях, когда внимание обращается на их перемещение (траекторию).

2. «Іру» / «агу» с «одушевлёнными существами» в «предложениях обладания»

Для выражения обладания существует два способа: 1) синтаксическая конструкция с использованием глаголов «ігу» / «агу», 2) синтаксическая конструкция с использованием глагольной формы «motte іру» (гл. «motsu» – «держат; иметь» в длительном виде). Здесь возможны взаимозаменяемые ситуации, но не во всех случаях. В данной работе, чтобы избежать усложнения темы, рассмотрим только употребление глаголов «ігу» / «агу».

В отношении притяжательных предложений (possessive sentence) существует следующее объяснение.

Базовая структура предложения: (обладатель)-niwa (объект обладания)-ga (ігу / агу). (-Niwa – тематизированный (wa) (условный) дательный падеж -ni. -Ga – (тематический) именительный падеж).

Если объект обладания – неодушевлённый предмет, используется «агу».

Пример 1. «У г-на Ямамото есть («агу») имущество / состояние».

Если объект владения – одушевлённое существо, используются «ігу» или «агу».

Пример 2. «У меня есть («ігу» / «агу») семья».

Рассмотрим употребление «ігу» / «агу» с «одушевлёнными существами», что часто вызывает затруднения учащихся.

Харасава считает «важным моментом осознание «наличия / отсутствия воли», и утверждает: в выражениях владения «от владельца требуется наличие воли, от объекта владения – её отсутствие» [12, с. 1].

Различение употребления «ігу» / «агу» в контексте владения, согласно теории Харасава, следующее. При параллельном осмыслении двух вещей: во-первых, является ли объект владения объективно одушевлённым или неодушевлённым и, во-вторых, воспринимает ли говорящий его

как «имеющее свою волю существо» или «не имеющее его» – возможны следующие варианты:

А. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – неодушевлённое / не имеющее своей воли создание]-ga aru.

В. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – одушевлённое / не имеющее своей воли создание]-ga aru.

С. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-ga iku.

Д. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – неодушевлённое / имеющее свою волю создание]-ga iku.

Для подтверждения вышесказанного рассмотрим следующие примеры:

1. (А) «У г-на Танака есть («агу») две машины».

2. (С) «У г-на Танака есть («игу») две собаки».

Владелец в 1 и 2 моделях, «г-н Танака», является одушевлённым и имеющим свою волю существом. Модель 1 возможна потому, что говорящий осознаёт, что объект владения – машины – являются неодушевлёнными и лишёнными своей воли предметами. Модель 2 возможна оттого, что объект владения – собаки – являются одушевлёнными и существами с собственной волей.

3. (В) «У заядлого рыболова г-на Танака есть («агу») особые черви».

В этом случае хотя черви и являются живыми существами, но существуют как корм, поэтому воспринимаются как «не имеющие своей воли существа». Таким образом, даже если объект владения одушевлён, но не воспринимается как самостоятельное волевое существо, используется «агу».

4. (D) «У г-на Танака есть («игу») Румба (Roomba, робот-пылесос)».

Румба – не одушевлён, однако назван именем собственным, поэтому может восприниматься не как общее понятие «пылесос», но как «существо с собственной волей», при осознании его как отдельного конкретного создания. Возможно также, что говорящий воспринимает робота как «имеющего волю создание», персонифицировав его: «Румба – помощник г-на Танака в домашних делах». Таким образом, когда объект владения воспринимается как «создание, имеющее волю», возможно использовать «игу». При этом общим правилом является применение «агу» в случаях использования нарицательных существительных или восприятия как «не имеющего воли создания».

Интересно, как можно осмыслить следующие примеры:

5. «У г-на Ямада есть («агу») сын».

6. «У г-на Ямада есть («игу») сын».

7. «У г-на Ямада есть («агу») Кента (имя сына)».

8. «У г-на Ямада есть («игу») Кента».

Как видно, в примере 5 говорящий высказывается о сыне как о неодушевлённом существе (В), а в 6 – как об одушевлённом (С).

Здесь важно сказать об осознании нарицательных существительных. Согласно концепции Харасава, в именах нарицательных есть «обобщающее восприятие» и «необобщающее восприятие», и одушевлённые существа в обобщающем осознании воспринимаются как абстрактные понятия, как не имеющие собственной воли создания. С другой стороны, в необобщающем сознании они воспринимаются как конкретные определённые существа с собственным волеизъявлением [12].

Другими словами, «сын» в примере 5, как обобщённое нарицательное, воспринимается как абстрактное понятие, а «сын» в примере 6 – как конкретное индивидуальное существо с собственной волей.

Объект владения в примерах 7 и 8 – это имя собственное «Кента». Для имён собственных существует только конкретное индивидуализированное восприятие. Поэтому имена людей и т.п. воспринимаются только как имена имеющих волю существ. Следовательно, пример 7 является неверным.

Не только имена людей, но и индивидуализированные личными и указательными местоимениями создания воспринимаются как имеющие собственную волю существа, и с ними применяется глагол «*igu*».

9. «У г-на Кимура есть («*igu*») ты».

10. «У г-на Кимура есть («*igu*») этот ребёнок».

Употребление «*igu*» / «*agu*» с одушевлёнными существами определяется ещё одним способом, а именно с точки зрения так называемых «внутренних отношений». «Внутренние имманентные отношения, – согласно представлению Морита, – это отношения с людьми, с которыми невозможно прервать связь» [5, с. 90].

По этому поводу в работе «Справочник базовых глаголов» к слову «*igu*» в его «Значении 5. Существование близких» и к слову «*agu*» в его «Значении 13. Особенности, присущие людям, животным и растениям», есть следующий комментарий: «При словоупотреблении «(человек / люди)-*ga agu*» эти «люди» ограничены «женой», «детьми», «братом», «семьёй» и т.д., т.е. существительными, обозначающими родственников, имеющих внутренние отношения (отношения, которые невозможно прервать) с говорящим. Другими словами, как одна из особенностей, присущих человеку, фиксируются родственники, имеющие внутренние неразрывные отношения с этим человеком. Следовательно, в данном контексте невозможно использовать существительные, обозначающие людей, не связанных внутренними отношениями, например, «(любимый) композитор», «(прекрасный) репетитор» и т.п. [15].

Приведём примеры:

○ «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga igu*».

○ «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga agu*».

Х «(Г-н Ёкояма)-*niwa* (любимый композитор)-*ga agu*».

○ «(Г-н Ёкояма)-*niwa* (любимый композитор)-*ga igu*».

К этому объяснению необходимо сделать небольшое добавление: если у существительных, обозначающих родственников, есть определение, глагол «*agu*» использовать невозможно. Рассмотрим на примерах, почему так происходит:

11. «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga igu*».

12. «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga agu*».

13. «(Г-н Сато)-*niwa* (красивая дочка)-*ga igu*».

14. «? (Г-н Сато)-*niwa* (милая дочка)-*ga agu*».

Накагири пишет: «Имена существительные, обозначающие родственников, не только указывают на объекты, существующие в этом мире, но и выражают «внутренние отношения». Например, существительное со значением члена семьи «старший брат» не только выражает конкретный объект, но и абстрактные «внутренние отношения»: «старший по возрасту человек, родившийся от тех же родителей». Другими словами, когда существительное «старший

брат» сопровождается глаголом «агу», мы воспринимаем его не как конкретный объект, но осознаём его существование с точки зрения абстрактных «внутренних отношений» [6, с. 67].

Иначе говоря, это означает, что если существительное со значением члена семьи мы осознаём обобщённо и воспринимаем в контексте «внутренних отношений» с говорящим, выраженным дательным падежом -*ni*, то используется глагол «агу» (пример 12); если же мы осознаём его необобщённо, как конкретный объект, используется глагол «ігу» (пример 13).

Учитывая это, легко объяснить, почему пример 14 является неверным. Причина заключается в том, что при наличии определения повышается «выразительность» объекта, и он более осознаётся как конкретный.

Итак, различия в употреблении «ігу» / «агу» с одушевлёнными объектами в притяжательных предложениях можно систематизировать следующим образом:

1. Если говорящий воспринимает объект владения как «имеющий свою волю», используется глагол «ігу».
2. Если говорящий воспринимает объект владения как «не имеющий собственной воли», используется «агу».
3. Объект владения имеет с человеком, выраженным дательным падежом -*ni*, «внутренние отношения»:
 - 1) говорящий осознаёт его обобщённо как «не имеющее своей воли существо» – используется «агу»;
 - 2) говорящий осознаёт его необобщённо, как «конкретное существо», имеющее свою волю, – используется «ігу».
 - 3) объект владения индивидуализирован именем, личным или указательным местоимением и т. п., он воспринимается как имеющий свою волю и оформляется глаголом «ігу».

3. О словоупотреблении глагола «агу» применительно к «человеку» в иных контекстах, помимо предложений существования и предложений обладания

Помимо предложений существования, предложений местонахождения и предложений обладания, существуют особенности словоупотребления, вызывающие вопросы обучающихся.

В «Справочнике базовых глаголов» о слове «агу» дана следующая информация: «Значение 3. Существование человека / людей:

Существует один либо несколько «статично воспринимаемых» людей» [15].

И далее в «Комментарии» сказано: «Существо» в «Значении 1» обычно не должно двигаться по собственной воле. В связи с этим и в «Значении 3» не осознаётся такая особенность «человека» – субъекта существования, как способность двигаться по собственной воле (изначально ему присущая), воспринимается только существование (наличие или отсутствие) «человека». Другими словами, можно сказать, что «Значению 3» соответствует выражение существования «человека» независимо от конкретных времени и места либо в форме, не позиционирующей их определённо [15].

Примеры:

«Есть («агу») и те, кто имеет другое мнение по данному вопросу».

«Давным-давно жили-были («агу») дед да баба».

«Хотя есть («агу») депутаты, которые спят во время заседания, председатель не делает им замечаний».

«Есть («агу») те, кто верит в бескорыстную любовь, и есть («агу») те, кто в неё не верит».

«В сегодняшнем мероприятии участников было («агу») больше, чем предполагалось».

«Именно потому, что автомобильная авария – это проблема, в которой есть («агу») другая сторона, зачастую её бывает сложно разрешить».

Разве не возникнет ощущение некоторой неточности, если в двух последних примерах заменить «агу» на «ігу» («участников было» и «есть другая сторона»)? Потому что слово «участники» в данном случае означает не «каждый из участников», а «количество принявших участие», а «другая сторона» является абстрактным выражением, ему недостаёт конкретики и его сложно воспринимать как «существо с собственной волей».

К примеру «Давным-давно...», как мы заметили ранее, у Томита есть объяснение: «это словоупотребительный приём в разговоре о давнем прошлом, когда слушателя знакомят с существованием действующих лиц в статичном состоянии, представляют ему их местопребывание и после продолжают повествование» [9, с. 20–21]. Кинсуй объясняет это, используя термин «предложения начального представления» [3]. Таким образом, способы классификации и терминология различаются, но общим в них является то, что субъект существования воспринимается «статично». Иначе говоря, при словоупотреблении «агу» в начале сказок субъект существования воспринимается как существо, «не двигающееся на основе собственной воли» и «не имеющее своей воли».

Однако в последние годы в начале сказок нередко стал использоваться глагол «ігу». И в других ситуациях в разговорной речи стали чаще использовать «ігу». В параграфе 4 мы подробнее рассмотрим это, но, наверное, можно сказать, что тенденция настоящего времени – более частое использование модели «(человек)-ga ігу», чем «(человек)-ga агу».

Употребление глаголов «агу» / «ігу» в рассмотренных предложениях с семантикой существования человека можно обобщить так: глагол «агу» используется в том случае, если субъектом существования является «человек», но воспринимается он не как конкретная личность, но как существо, не имеющее своей воли, и значение придаётся самому факту его существования.

4. Тенденции в употреблении глаголов «ігу» и «агу» с существительными, обозначающими людей

Иноуэ заметил: «Раньше в новостях о происшествиях часто встречалось высказывание «Раненых не было (агу: arimasen deshita)». Но в последние годы стали больше говорить «ігу: imasen deshita». В случае с ННК в новостях о наличии / отсутствии пострадавших примерно с 2007 г. стало больше использоваться «imasen», и эта тенденция продолжается», «по опросу ННК (проведённому у 4000 человек старше 20 лет по всей стране в феврале 2021 г.) по поводу выражения «Среди пассажиров пострадавших не было / “arimasen deshita”», «Неприятия нет» ответили 51,5%, «Есть неприятие» ответили 47,3% опрошенных» [1, с. 63].

Таким образом, применение глаголов «ігу» и «агу» меняется вместе со временем (эпохой). По поводу этих временных изменений часто цитируется теория Кинсуй [2; 3]. Если сформулировать просто – в древности до эпохи Камакура (1185/92–1333) в качестве глагола, выражающего существование, использовался глагол «агу».

«Исходное значение глагола «ігу» – «находиться спокойно и недвижно, тихо и в низкой позиции» – антонимично глаголу «стоять» («tatsu») [13]. Этот глагол примерно со второй половины эпохи Муромачи (1336–1573) начал использоваться как глагол выражения существо-

вания. Однако в то время он ограничивался значением местонахождения человека в определённом месте. Постепенно употребление этих глаголов разделилось: «ігу» обозначал одушевлённый субъект существования, «агу» – неодушевлённый.

О различиях в употреблении «ігу» / «агу» с существительными, обозначающими людей в предложениях обладания, об изменениях в их употреблении после Реставрации Мэйдзи (1868) и причинах этих изменений на основе богатого материала пишет Ниида [7].

Согласно данным, показывающим временные флуктуации словоупотребления, с эпохи Мэйдзи до Второй мировой войны чаще употреблялся глагол «агу», но по мере приближения к нашему времени использование «агу» резко уменьшилось, и сейчас «ігу» используется намного чаще. По данным корпусных текстовых исследований с 1971 по 2005 гг., «агу» применялся в 15% случаев, «ігу» – в 85%.

По этому поводу Ниида пишет: «По-видимому, среди молодых носителей японского языка усиливается тенденция, о которой говорит Кинсуй [3], – использовать «ігу», если объект владения одушевлён. Но, с другой стороны, нет ли в сути осознания современных носителей японского языка того, что «человек не принадлежит кому-либо, человек существует по собственной воле и, в конце концов, само его существование связано с принадлежностью кому-либо». Ниида также считает, что это осознание связано с тем, что в выражениях обладания кем-либо стала более употребима модель «(человек)-ga ігу» [7, с. 77].

Следует также отметить, что по данным словоупотребления в отношениях «владелец – объект владения» («родители», «дети», «братья / сёстры», «жена / муж», «любовница / любовник», «любимая / любимый») в зависимости от участников этих отношений динамика изменений в словоупотреблении различна. Например, «особенно в отношении «родителей, живущих / существующих раньше себя», независимо от исторической эпохи использовался глагол «ігу». Если акцент делается на собственном волеизъявлении самого объекта владения в отношениях «любовница / любовник», «любимая / любимый» и т.п., употребление меняется от «агу» к «ігу» [7, с. 86]. Ниида пишет: «Употребление «агу» / «ігу» зависит не только от того, одушевлён или нет объект владения, но «и от того, может ли он контролировать эти отношения» [7, с. 86].

Таким образом, в современном японском языке существует тенденция чаще использовать конструкцию «(человек)-ga ігу», чем «(человек)-ga агу».

Заключение

Рассмотрев различные примеры в параграфах 1–4, мы пришли к следующим выводам. Важным моментом в различении словоупотребления глаголов «ігу» и «агу» является не то, «одушевлены» или «неодушевлены» объекты и субъекты этих отношений, а то, как говорящий воспринимает «субъекты существования» и «объекты владения». Если они воспринимаются как «существа, имеющие свою волю», используется глагол «ігу», если как «не имеющие собственной воли», – глагол «агу».

В параграфе 1 мы не выделяли в отдельную категорию «наличие собственного волеизъявления», но восприятие транспортного средства как «находящегося в состоянии и способности к движению» и природных явлений как «движущихся субъектов», хотя объективно сами по себе по своей воле они не движутся, свидетельствуют о том, что говорящий усматривает в них нечто похожее на наличие собственной воли.

Восприятие говорящим «субъектов существования» и «объектов обладания» как имеющих собственную волю связано с тем, как он осознаёт место существования, их одушевлённость или неодушевлённость, воспринимает их обобщённо либо как конкретные создания и т.п.

Кроме того, в современном японском языке существует тенденция реже использовать модель «(человек)-ga aru» и чаще – глагол «iru». Видимо, можно утверждать, что тенденция к упрощению систем коснулась и различия в применении глаголов «iru» / «aru».

На наш взгляд, данная работа поможет изучающим японский язык углубить понимание различий в употреблении глаголов «iru» и «aru», что, в свою очередь, позволит им говорить на более естественном японском языке.

Список литературы

1. 井上裕之 (2021) 「人が『いる』、人が『ある』」 『放送研究と調査』 第 71 巻第 7 号, NHK 放送研究所, 東京. (Иноуэ Х. Глаголы «iru» и «aru» в предложениях с одушевлённым подлежащим // Лаборатория культуры эфира NHK. «Эфирные исследования и социологические опросы». Токио, 2021. Т. 71. № 7.) URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/kotoba/pdf/20210801_2.pdf (дата обращения: 31.03.2024).
2. 金水敏 (1984) 「『いる』『おる』『ある』 – 存在表現の歴史と方言 –」 『ユリイカ』 臨時増刊号, 284–293, 青土社, 東京. (Кинсуй С. «Iru», «oru», «aru»: История экзистенциальных выражений и диалекты // «Сэйдосё», альм. «Эврика». Токио, 1984. Внеочер. № С. 284–293.)
3. 金水敏 (2006) 『日本語存在表現の歴史』 ひつじ書房, 東京. (Кинсуй С. История экзистенциальных выражений японского языка. Токио: «Хицудзи Сёбо», 2006. 344 с.)
4. 三浦つとむ (1975) 『日本語の文法』 (新装版 1998 年) 勁草書房, 東京. (Миура Ц. Грамматика японского языка. Токио: «Кейсо Сёбо», 1975, нов. изд. 1998. 320 с.)
5. 森田良行 (1996) 『基礎日本語辞典』 角川書店, 東京. (Морита Ё. Словарь базового японского языка. Токио: «Кадокава Сётэн», 1996. 1294 с.)
6. 中桐謙一郎 (2007) 「日本語の所有文に関する一考察」 『太成学院大学紀要』 9 巻, 65–75, 大阪. (Накагири К. Исследование притяжательных предложений японского языка // Бюллетень Университета Тайсэй Гакуин. Осака, 2007. Т. 9. С. 65–75.)
7. 新居田純野 (2017) 「人の所有を表す『人がある』『人がいる』 – 明治から現代における小説を資料として –」 『長崎外大論叢』 第 21 号, 75–87. (Нишита С. Глаголы «aru» и «iru» в притяжательных предложениях с одушевлённым подлежащим: По данным частотности использования в романах с эпохи Мэйдзи до наших дней // Учёные записки Университета иностранных языков Нагасаки. Нагасаки, 2017. № 21. С. 75–87.)
8. 佐野まさき (2016) 「なぜ太陽はあるのにお日さまはいるのか」 『立命館言語文化研究』 27 巻 2–3 合併号, 43–58, 京都. (Сано М. Почему Солнце /как планета/ – «aru», но Красно Солнышко – «iru»? // Лингвокультурные исследования Университета Ричумэй-кан. Киото, 2016. Т. 27, совмещ. № 2–3. С. 43–58.)
9. 富田隆行 (1998) 『基礎表現 50 とその教え方』 凡人社, 東京. (Томита Т. Базовые выражения 50 и их преподавание. Токио: «АО Бондзин-ся», 1998. 234 с.)

10. 寺田和子・三上京子・山形美保子・和栗雅子 (1999) 『日本語の教え方 ABC』 アルク, 東京. (Тэрада К., Миками К., Ямагата М., Вакури М. Обучение японскому языку ABC. Токио: «АО ALC», 1999. 252 с.)
11. 原澤伊都夫 (1993) 「存在動詞『いる』と『ある』の使い分け—語用論的アプローチ—」 『日本語教育』 80 号, 62–73, 日本語教育学会, 東京. (Харасава И. Различия в употреблении экзистенциальных глаголов «iru» и «aru»: Прагматический словоупотребительный подход // Изучение японского языка. «Ассоциация изучения японского языка». Токио, 1993. № 80. С. 62–73.)
12. 原澤伊都夫 (2003) 「所有の意味を有する存在文について—意志性の有無の観点から—」 『静岡大学留学生センター紀要』 第 2 号, 1–11. (Харасава И. Об экзистенциальных предложениях с притяжательным значением: С точки зрения наличия /отсутствия собственной воли // Бюллетень Центра иностранных студентов Университета Сидзуока. Сидзуока, 2003. С. 1–11.)
13. 『デジタル大辞泉』 小学館. («Дэдзитару Дайдзисэн» (Толковый словарь). Токио: «Сёгакукан».) URL: https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85_%E2%8E%81%86%E3%81%98%E3%82%87%E3%81%86%29/ (дата обращения: 31.03.2024).
14. 『日本国語大辞典』 小学館. («Нихон кокуго дайджитэн» (Толковый словарь). Токио: «Сёгакукан».) URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85-34541#w-1885907> (дата обращения: 31.03.2024).
15. 『基本動詞ハンドブック』 国立国語研究所. («Справочник базовых глаголов». Токио: «Кокурицу кокуго кэнкюдзё».) URL: <https://verbhandbook.ninjal.ac.jp/> (дата обращения: 31.03.2024).

References

1. Inoue H. “Person”-ga “iru”/“aru”. *The NHK Monthly Report on Broadcast Research*. Tokyo, 2021. Vol. 71. No. 7. URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/kotoba/pdf/20210801_2.pdf (accessed: 31.03.2024) (In Jap.).
2. Kinsui S. “Iru”, “oru”, “aru”: The History of Existential Expressions and Dialects. “*Seido-sha*”, *almanac “Eureka”*. Tokyo, 1984. Extra issue. P. 284–293. (In Jap.).
3. Kinsui S. The History of Japanese Existential Expressions. Tokyo: “Hitsuji Shobou”, 2006. 344 p. (In Jap.).
4. Miura Ts. The Japanese Grammar. Tokyo: “Keisou Shobou”, 1975, renewed ed. 1998. 320 p. (In Jap.).
5. Morita Yo. The Dictionary of Basic Japanese. Tokyo: “Kadokawa Shoten”, 1996. 1294 p. (In Jap.).
6. Nakagiri K. A Study on Possessive Sentences in Japanese. *Bulletin of Taisei Gakuin University*. Osaka, 2007. Vol. 9. P. 65–75. (In Jap.).
7. Niida S. The Possessive Expressions “X(person) ga aru/iru: A Survey of Usage Data in Novels from the Meiji Period until Today. *Nagasaki Foreign Languages University Academic Essays*. Nagasaki, 2017. No. 21. P. 75–87. (In Jap.).
8. Sano M. Why the Sun /as a Planet/ – “aru”, but “o-Hi-sama” /Respectfully/ – “iru”? *Ritsumei-kan University Linguicultural Studies*. Kyoto, 2016. Vol. 27. Comb. no. 2–3. P. 43–58. (In Jap.).

9. Tomita T. Basic Expressions 50 and How to Teach Them. Tokyo: “Bonjin-sha Co., Ltd”, 1998. 234 p. (In Jap.).
10. Terada K., Mikami K., Yamagata M., Wakuri M. Teaching Japanese ABC. Tokyo: “ALC Co., Ltd”, 1999. 252 p. (In Jap.).
11. Harasawa I. The Difference in Usage of Existential Verbs “iru” and “aru”: Pragmatic Approach. *Journal of Japanese Language Education*. “Assotiation for Japanese Language Education”. Tokyo, 1993. No. 80. P. 62–73. (In Jap.).
12. Harasawa T. The Existential Construction with Possessive Concept: From the Viewpoint of Presence / Absence of the Will. *Bulletin of Shizuoka University Foreign Students Center*. Shizuoka, 2003. P. 1–11. (In Jap.).
13. “Dejitaru Daijisen” (Japanese dictionary). Tokyo: “Shogakukan Co., Ltd”.
URL: https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85_%28%E3%81%86%E3%81%98%E3%82%87%E3%81%86%29/ (accessed: 31.03.2024). (In Jap.).
14. “Nihon kokugo daijiten” (Japanese dictionary). Tokyo: “Shogakukan Co., Ltd”. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85-34541#w-1885907> (accessed: 31.03.2024). (In Jap.).
15. “The Basic Verbs Handbook”. Tokyo: “National Institute for Japanese Language and Linguistics”. URL: <https://verbhandbook.ninjal.ac.jp/> (accessed: 31.03.2024). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 21.07.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 02.08.2024

Принята к публикации / Accepted 31.10.2024